

Посвящается

Клавдии Михайловне

Шведовой

КОМАР

НА БЕЛОМ СВЕТЕ всяческий водится комар. Есть комар бесхитростный, простой: прежде чем укусить вас в нос, вот и заведет, и заведет паутинную свою скрипочку ожгу, мол, берегись! Есть комар зловредный: тихо, смирно налетит и молча шпокнет. Он, бестия, совершенно не умеет петь, а вот вы, чего доброго, потом и запоете. Этот комар, опасный комар, по секрету вам сказать — малярийный комар. Но вы не бойтесь, все будет хорошо, благополучно, автор далек от мысли кого бы то ни было запугивать. Существует еще разновидность комара. Эта двуногая тварь обитает всюду, но жалит не всех, а с выбором. Эта тварь, в сущности, самая отъявленная тварь. Она... Впрочем, давайте начинать рассказ.

Ивана Иваныча, после сильного шторма, который он пережил, долго мутило: выйдет на бульвар, под пальмы, взглянет на морскую синь, так вот под ложечкой и засосет, так и потянет к нехорошему, а земля под ногами плавно закачается. Но море спокойно, плоско, и земля тверда: цемент. Такое самочувствие продолжалось до тех пор, пока Ивану Иванычу не пришла гениальная мысль не в меру отведать кавказского вина.

А подвыпил он в каком-то духанчике, — кажется, в духане «Будь Здоров», — действительно, изрядно. Впрочем, он ясно помнит, во что-то тыкал вилочкой, надо-быть, в шашлык из молодого барашка, пил красные, белые,

зеленые вина и довоенный коньячок, а когда вышел на воздух, в тихую городскую мглу, где электричество тлеет, как в архангельских деревнях лучина, его оглушили голоса:

— Сòкси! Прамо лед, лед, лед! Сòкси!.. Лед, лед!!

Старательно упираясь обеими ногами и тыкаясь плечом, затылком, носом в человеческое гуляющее месиво, он дошел враскорячку до турка, вразнос торговавшего студеной водой, и промямлил:

— Отрежь... На полтинничек...

— Пожалста... Прамо лед... Сòкси! Совсем холод!

В руке Ивана Ивановича очутился стаканчик, в нем вода — хрустальный лед. Но Ивану Ивановичу на весь полтинник выпить не пришлось: у турка и воды-то всего на сорок копеек, во-вторых, едва Иван Иванович запрокинул голову, чтоб проглотить до дна освежающую влагу, как затылок его тяжко огруз свинцом, а в живот и грудь толкнула какая-то невидимая озорная сила, и он, пятками вперед, неудержимо стал пятиться к морю, дальше — шибче, и, конечно, утонул бы в морской пучине вместе со стаканчиком, если б не дружески-суровые объятия милиционера, куда Иван Иванович, падая, попал. Бравый милидейский, ноги которого от башмаков до поджилков были обмотаны совершенно чистыми портянками, вежливо сказал:

— Гражданин! Что с вами такое-ся? Пожалуйста, проснитесь... Гражданин!.. Храпеть нельзя.

Проснулся Иван Иванович у себя в номере, в гостинице «Ориенталь», вполне благополучен, здоров и свеж.

Позвольте познакомить вас с Иваном Ивановичем. Да вы, наверное, его видали. Этаким кругленький, на коротких ножках. Бритый, пудренный, румяный, под носом две английского фасона щеточки, смазанные темным фиксауаром. На

голове волос нет, голова — полированный глобус, на солнце и при искусственном свете издает слабое сияние.

Иван Иванович уверил, что у него черные вьющиеся, как у цыгана, волосы и что они невероятно медленно растут: он бреет их в год раз, накануне великого поста, после блинов на масляной, чтоб, будучи истинным христианином, содержать в чистоте не только душу, но и греховный череп, где кроются, как воры, мысли блуда. Что касается возраста, то, согласно горячей просьбе Ивана Ивановича, о его летах мы скромно умолчим, по секрету скажем лишь, что ему далековато за сорок.

При всем том, между нами говоря, Иван Иванович — ужасный бабник. Он, в сущности, тяготея душой к блондинкам, но здесь, в Закавказьи, где зима похожа на северное лето, он стал пристреливаться к черненьким. Однако, отличаясь природной трусостью, он говорил:

— Это верно, южанки что-то особенное. Идет этакая черноокая, от нее так и пышет зноем. Так бы безоговорочно и бросился к ногам: «Красавица, разделите со мной сладкие часы!» А вот боюсь, понимаете. Даже подойти боюсь: вдруг абхазец кинжалом харакири. Ревности в них, в чертях, как в собаке блох. Знаю я их... Ах, какой восторг эти абхазки!

Надо заметить тут, что Иван Иванович в этнологии края разбирался мало — он высшей математики не изучал, даже таблицу умножения забыл давно, — и весь черноглазый племенной состав Сухума — греков, мингрельцев, грузин, армян, евреев, турок — считал абхазцами.

Так ли, сля ли, он и здесь остался поневоле верен своей склонности к блондинкам. И вот...

Кстати, разрешите представить вам героиню этого рассказа, Нину Павловну, блондинку. По фигуре и отчетливой

быстроте своих движений она — девушка, с очень развитыми формами, по иным же признакам, несомненно, — дама. Впрочем, иных признаков в нашем распоряжении немного, всего лишь обручальное кольцо на выхоленном, с блестящим ногтем, пальце. Нина Павловна на личико не так чтоб уж красива очень, но все же ничего: свежа, голубока, улыбка обольстительна. Иван Иванович, будучи в душе портом, ее достоинства определил буквально так:

— Сочная груша дюшес, прогретая палящим солнцем.

Он прикинул глазом и раз, и два, нюхнул, подумал, и стал неотступно возле нее вертеться: она в «Чашку Чая», и он в «Чашку Чая», она на обед в «Помощь Ребенку», и он туда же, она в кафе, и он в кафе, она требует «мадони», и он — «мадони». ¹ И чувствует Иван Иванович, что его шаловливое сердце все туже набухает томительным чувством к ней. От природы робкий и стеснительный, он не решался вот так взять да и подкатиться к незнакомке: здравствуйте пожалуйста. Нет, он победит ее по-благородному, он сумеет прельстить ее своим материальным благодеянием, он... И он стал менять костюм за костюмом; мальчишки-черномордики трижды в день чистили его ботинки; свою драповую кепку с пуговкой, приплюснутую к козырьку, он стал надувать пузырем, чтобы на вершок казаться выше ростом.

Нина Павловна, очевидно, поняла настроение его души, а может-быть, и по другой причине, но в один из сиянных солнцем дней ее обручальное кольцо вдруг исчезло с пальца.

«Ага, — победоносно улыбнулся Иван Иванович, — клюнуло», — и, проследив, где она живет, отправился в тот дом спросить на счастье, нет ли свободной комнаты.

¹ Мадони — простокваша. (Прим. авт.).

Между квартирной фасонистой хозяйкой с коком и Иваном Ивановичем был такой разговор:

— Пардон, мне бы надо для своего приятеля комнату, — сказал он.

— Я, имейте в виду, туберкулезных не пускаю, — сказала она.

— Я, извините, для себя, пардон. Как видите, я...

— Ах, так! А вам не покажется дорого?

— Откровенно вам заявляю, я — нищман. И, значит, в средствах не...

— А вы один или с семейством?

— Ну! Что вы!.. Я же холостяк. Я, знаете, не люблю этих самых, как их... рю-рю-рю... То-есть...

Словом, через час он водворился в прекрасной комнате с широким видом на все Черное море вплоть до Анатолийских берегов и дальше. Впрочем, дальше ничего не рассмотреть, кроме неба, и глы.

В нашем рассказе, по совершенно непредвиденным обстоятельствам, еще должен фигурировать комар. Да не какой-нибудь гадкий комарище, с аршинными ногами, и не сибирский, кусающий сквозь шубу, а комар исключительно отменных качеств, передающий малярию и являющийся объектом внимания ученых всего мира. Имя уважаемому комару — *Anopheles*.

Не создай природа подобного комара, пожалуй, ничего такого в жизни Ивана Ивановича и не случилось бы. И наш рассказ волей-неволей пришел бы к ложному концу.

Нина Павловна перед поездкой на Кавказ не на шутку была запугана болезненным, ревнивым мужем, оставшимся в тамбовском городишке, где он имел должность ветеринарного врача. Вручая жене кой-как накопленные деньги, ветеринар шипел сквозь стиснутые зубы:

— Куда ты едешь, куриная твоя голова! Ведь там малярия! Подцепишь, век не разделаешься... И никакого у тебя бронхита нет.

Но как же можно Нине Павловне не поехать на Кавказ, если там были и Роза Львовна, и Ольга Тимофеевна?

...И вот звездной ночью, в маленькой сухумской белой комнате, показалось Нине Павловне, что над ее встревоженным ухом пропиликал на чуть внятной скрипочке комар. Вихрем вскочила, зажгла свет, осмотрелась — никого. Лишь за перегородкой выразительно вздыхал и поскрипывал кроватью новый жилец. Нина Павловна легла, закуталась с головой в простыню и, думая о проклятом комаре, нечаянно заснула. Разбудил ее неистовый, резкий крик на улице:

— Бублик! Свежий бублик! Горячий бублик! Бублик!

Четверо мальчишек, словно вынырнув из-под земли, из пекла, орали так звонко, с таким остервенением, что, казалось Нине Павловне, веерообразные листья пальмы под ее окном вздрагивали и сжимались.

По той же причине проснулся в соседней комнате и Иван Иванович. Накинув пальто, всунув волосатые ноги в шлепанцы, он осторожно высунул глобусообразную голову рельефом в дверную щель и зорко осмотрелся: тихо, пусто. Иван Иванович быстрыми шагами проследовал по экстремному делу в глубь здания.

Между тем Нина Павловна в жутком мистическом страхе замерла: сквозь окно ударил в стену первый луч солнца, и на стене, под самым золотом теплого луча, сидел комар. Он весь налился кровью, как пропойда вином, он был безусловно пьян и, видимо, подремывал. Нина Павловна с ужимками кошки подкралась к нему, схватила его двумя пальчиками и кровожадно раздавила, как бруснику.

«Придется хины принять», — подумала она, окидывая кошачьим, жмурым взглядом стены, потолок. Ах, ах... На потолке, в аршине друг от друга, сидели еще два комара. Нина Павловна взяла бинокль и стала их рассматривать: комары были толстые, голодные и тоже спали.

— Черти проклятые, — проворчала Нина Павловна, — а вот я вас... — и она начала швырять в комаров длинной и твердой, как мороженная щука, мочалкой-люфой. Люфа летела верно, но ударялась возле самых комаров сначала одним, потом другим концом — пиф-паф — и падала. И в пятый, и в десятый раз швыряла Нина Павловна мочалку вверх, выделывая босыми ногами отчаянные па и подхватывая скользившую с плеча рубашку; распущенные волосы ее гневной волной плескались по спине. А комарам хоть бы что, комары чувствовали себя прекрасно, усмекались в ус и — ни гу-гу. Все более и более раздражаясь — выступили пятна на щеках — Нина Павловна сгребла чулок, скомкала его и, ловко подпрыгнув, вцепила смертоносный снаряд прямо в комарову спину. — Ага, дьяволенки! — победно закрутилась в вихре Нина Павловна, как дикий австралиец, ловко снявший скальп с врага.

И в этот самый миг, бесшумно, но стремительно, влез в ее комнату Иван Иванович.

Первый момент он стоял, как в каталепсии, изумленно перив взор в крутящийся перед ним русалий, в белой пене, призрак. Второй момент он думал, что в его собственную комнату залезло привидение. И лишь, когда привидение бросилось на кровать с криком: «вон, нахал!», Иван Иванович вдруг сообразил, что он сам ошибся дверью. Если бы на голове Ивана Ивановича были волосы, они все пошли бы со страху вверх торчком. Пальто его свалилось на пол, обнажив белоснежное белье, но он ловко подхватил его трясущейся рукой:

— Пардон... Как вас... Извиняюсь... — поспешно попятился он к выходу. — Только, заметьте, я ничего не вижу без пенсне... Мерси... — и скрылся.

Чорт знает, тьфу! Как же он мог спутать? Ведь это же его дверь: вот царапинка, вот ржавая кнопка с клочком оборванной бумажки. Но рядом, в соседней двери, ведущей в его комнату, тоже кнопка и тоже с оборванным клочком. Иван Иванович, засопев, пристально изучал топографию жилища. Его голая волосатая грудь раздиралась дыханием, ноги дрожали. Он робко вошел в комнату, растерянно озираясь — не в чужую ли опять — и малодушно осенил себя крестом. За стеной, у соседки, слышались угрожающие выкрики, энергичная ругань, всхлипывания.

— Чорт знает... Какой скандал... Чего доброго, в суд подаст.

И Иван Иванович еще раз перекрестился.

— А я уеду от вас, — сказала Нина Павловна вошедшей хозяйке.

Та покачнулась, схватила за голову:

— Куда? Почему? Что вы, деточка!

— Меня всю искусили ваши комары... Пищат, спать не дают.

— Ах, так эти комары не опасные, раз пищат. Не бойся собаки, которая лает, бойся — которая исподтишка кусает. Применимо к комарам и к людям.

— А кроме того, представьте... — Нина Павловна по злому округлила глаза и дрожащий рот. — Можете себе представить, совершенно неожиданно еще комар влетел, да не комар, а шмель, барбос, медведь!..

— ?!

— Ну, этот брюханчик на коротких ножках, сосед... Негодяй, прохвост, морда свиньячья! — Нина Павловна все